

Лунд О.
(75 лет со дня р.)

2/4 82

ПОЛОЖИТЕЛЬНО

Таллин

2 ИЮН 1987

— Ольга Иоханнесовна, заглядывал на последнее ваше занятие, знаю, что вы опять готовитесь к какому-то концерту...

— Да капуста задумали всего-навсего, в честь моего юбилея. Вот и готовим пару забавных вещей... «Кошачий концерт» слышали? Кстати, Россини написал, лучшие певцы мира исполняют. Не лишен был юмора композитор... Правда, у нас не совсем Россини — нот не нашли и использовали мелодию одного из вокальных упражнений, но слова — «мяу-мяу» — в соответствии с оригиналом, это факт! А вам понравилось?

— Очень! Ольга Иоханнесовна, я понимаю, что ваши заботы и планы связаны с днем сегодняшним и завтрашним, но беседа наша все же по поводу юбилея.

— Значит, юность надо вспоминать, какие университеты прошла? Что ж, вспомним. Родом я с Сааремаа, дочь рыбака. Правда, отца я не знаю, он утонул, когда мне было два года. И в этот же день родился мой братик. Такой вот день выпал маме... Ей было не справиться одной с нами, и меня отправили в Кронштадт, к тете. Вернулась в Эстонию уже после революции, в восемнадцатом году. Поселились в Таллине, в рабочем районе Копли, — отчиму, не нашедшему работу на родном острове, удалось устроиться на судоремонтный завод. Правда, активист рабочего движения, он впоследствии не раз ее терял... Так что происхождение я пролетарского.

— **Никогда не слышал, что бы певец начался, как говорит с нуля...**

— Так и не бывает такого. Да, родители не стали артистами, однако отчим был на редкость музыкальным человеком, прекрасно играл на нескольких инструментах, мама изумительно пела, как и все островитяне. Кстати, певческие праздники на Сааремаа стали проводить еще раньше, чем на материке... Росла я, как сказала, среди рабочих, у них и выучилась играть на гитаре, аккомпанировать себе. Петь вообще любила безумно, поэтому и поступила в консерваторию. Конечно, только учиться для меня было бы большой роскошью, поэтому занималась я вечерами, а днем работала на чулочной фабрике, куда устроилась с большим трудом. Многим моим сверстникам здесь повезло меньше... За два года до окончания консерватории меня приняли в театр «Эстония», только тогда стало легче с деньгами.

— В «Эстонию» вы пришли

незадолго до 1940 года...

— Восстановление Советской власти в республике — счастливейшая пора моей жизни. Да и как иначе?! Этот день и отчим мой приближал, и муж, тоже артист, только драматический. Работал со мной в «Эстонии» (тогда это был комбинированный театр). Он хоть и не был революционером, не состоял в Коммунистической партии, но активно участвовал в рабочем движении, выполнял задания партии, был близко знаком с Иоханнесом Лауристином... Да, в то лето я была счастлива — теперь полностью можно отодаться работе в театре!

— **И провели там 30 лет!**

— Строго говоря, поменьше, если вычесть три военных года. Их я провела в эстонских художественных ансамблях, созданных в Ярославле. В составе одной из концертных бригад разъезжала по всей стране, выступала на фронте, в госпиталях... Только в сорок четвертом, сразу после освобождения Таллиса, вернулась домой.

— **Ну, хорошо, 27. Много это или мало?**

— Много. 60 партий спето, 60 жизней прожито. Самая первая, еще студенческая, — Ольга в «Евгении Онегине». Потом — Лиза в «Пиковой даме», Тоска в одноименной опере Пуччини, Аскинья в «Тихом Доне», Ярославна в «Князе Игоре», Кармен, Сента в «Летучем голландце» Вагнера, Эльвира в «Дон Жуане»... Пела и в национальных операх. За «Берег бурь», кстати, наш коллектив был удостоен Государственной премии СССР. Короче, все ведущие партии драматического сопрано из репертуара театра достались мне. 27 лет — это и мало. Потому что музыка — моя

жизнь, и уходить из театра, которому отдано души в три раза больше, чем требовалось для дела, поверьте, очень нелегко.

— **Однако вам не так много лет было, когда ушли.**

— Верно. А получилось вот как. Устроили в мою честь юбилейный спектакль — «Летучий голландец». Конечно, мне не следовало выходить на сцену — с двусторонним то воспалением легких! Уговорили — как же, гости из Москвы. А Сента — громаднейшая партия, с первой до последней минуты на сцене. В итоге — обострение болезни, плеврит и — три месяца в больнице. Здорово не повезло, видать, директор сглазил. Он ведь молился на меня: «Ты, Ольга, — говорил он, — самая надежная у меня». И верно, ведь ни одного спектакля по болезни не пропустила. За 30 лет — ни одного бюллетеня.

— **Как вам это удалось?**

— Так я же сааремааская! С детства и гребла, и плавала, и верхом ездил. С годами, правда, эти занятия оставила, но пользу они мне со служили огромную. Тем не менее интенсивная ежедневная гимнастика — непременно. Кстати, когда я пришла в консерваторию, не испытывала особенных затруднений в постановке дыхания.

— **Вот как? А я слышал, что у певца и спортсмена якобы разный тип дыхания, и не рекомендуется сочетать занятия спортом и пением, на высоком, конечно, уровне...**

— Кто сказал вам эту чушь? Кстати, я не понимаю, почему наши певцы так берегут себя, такой пассивный, с точки зрения физических нагрузок, образ жизни ведут? Береж себя, конечно, надо, пение без крепкого здоровья немислимо. Но много ли

ЕЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Народной артистке ЭССР

Ольге ЛУНД—75 лет

Три четверти века — возраст, прямо скажем, почтенный. Но, как и пять, и десять, и двадцать лет назад Ольгу Иоханнесовну Лунд по понедельникам и средам можно встретить в Доме культуры «Маяк». Она — бессменный руководитель вокальной студии. Требовательный учитель и добрый друг рабочего и инженера, врача и библиотекаря — всех, кого привела к ней любовь к музыкальному искусству. Как и тридцать, и сорок лет назад, она не мыслит себя вне музыки. ДК «Маяк» невозможно сегодня представить без Ольги Лунд, кажется, здесь прошла вся ее жизнь. А ведь до этого была еще более длинная жизнь — на сцене...

пользы от лежания в постели? Между прочим, за рубежом певцы и плавают, и бегают, не щадя сил.

— **Давайте вернемся в театр, к тому не очень удачному юбилейному спектаклю. Сента — ваша любимая роль?**

— Да я бы не сказала. Это последняя моя партия. Каждая из них мне по-своему дорога. А ближе других, пожалуй, Ярославна, она наиболее созвучна моей судьбе. Помню, пела я ее, кажется, в Кировском. Есть там такая драматическая сцена. Моя героиня взывает к боярам: «Путивль горит, понимаете вы, горит Путивль, а князя Игоря нет...» И тут я увидела, как по щеке артиста, игравшего боярина, к которому я, собственно, и обращалась, прокатилась слезинка. Я немного растерялась и поспешно перешла к другому боярину. А после спектакля тот, прослезившийся, подошел ко мне и спросил: «Как вы, эстонка, так можете чувствовать русскую душу?». «А как же мне ее не чувствовать», — ответила я, — если народ перенес те же испытания и страдания, что и русский».

Мой дом на Сааремаа, где я родилась, обыкновенный деревенский дом с соломенной крышей, фашисты сожгли — как жгли они в России, на Украине, в Белоруссии...

— **Ольга Иоханнесовна, как получилось, что вы, народная артистка республики, знаменитость, закончив театральную карьеру, пришли в обычный Дом культуры?**

— Меня попросили проконсультировать группу самодеятельных артистов. Я пришла — и осталась. Просто влюбилась в тех рабочих парней и девушек. Вспомнила свою молодость... Кстати,

некоторые из них и теперь в студии — Алексеева, Федоровская... А вообще-то склонность к педагогике я давно испытывала.

— **Что же вам мешало проявить ее раньше?**

— Честно говоря, в консерваторию меня приглашали давно, еще в конце сороковых. Не согласилась по разным причинам. Во-первых, у меня были крупные партии. Хотелось всеми ими владеть досконально в любое время дня и ночи, требовалось очень много работать. Правда, молодые сами иногда заявлялись, просили послушать. Помню, пришла как-то одна скромная девчужка. Я слушала ее пять минут и велела ей немедленно идти учиться в консерваторию. Теперь ее все знают, народную артистку СССР Маргариту Вройте. Много времени отнимали и общественные дела: десять лет была секретарем партбюро, три созыва подряд — депутатом Верховного Совета республики.

— **И в чем состояли ваши депутатские обязанности?**

— Вы знаете, в те годы, годы становления Советской власти в Эстонии, депутаты были самыми настоящими ее полномочными представителями. Поток посетителей не иссякал. С чем шли? Просили, например, за своих родственников, которые в 1940 году уехали за границу, а теперь, после войны, решили вернуться на Родину. Ходила, добивалась, писала в Москву, порой, призналась, и не разобравшись, достоин ли того человек. Такой уж, видимо, характер. Запомнился один парень. Пришел, взмолился: выручи, депутат. Оказалось, жена его связала кофточку и спекулировала ею на «вшивом» рынке, был такой в районе нынешнего автовокзала. Дали пять лет (тогда за это су-

рово наказывали, даже жестоко), а дома двое малых детей. И опять сочиняю письмо в Москву. Освободили мамашу... Вообще переживала всегда ужасно. Завтра спектакль, надо бы отдохнуть, выспаться, а я заснуть не могу, все ворочаюсь, думаю: как бы помочь? Да и внутри театра часто приходилось гасить конфликты. Дело в том, что опере с драмой все труднее было ужиться в одном доме. Много сил и нервов потратила, пока, наконец, развехались.

— **А сейчас вы поддерживаете отношения с театром?**

— Конечно, я же там на партучете состою. Вот недавно выступила на собрании по январскому Пленуму ЦК КПСС. Сказала, что театр наш неплохой, уровень держит, а «Хованщина», сделанная Покровским, по-моему, делает честь «Эстонии». Но надо ведь дальше идти. Дальше, впрочем, — это не так далеко: в районы и в школы родной республики, особенно в школы. Кто сказал, что молодежь не любит оперу? Недавно я была в Ййгеваском районе и в Нарве, рассказывала ребятам об этом искусстве, сама пела — так слушали, раскрыв рты! Да, предубежденность, возможно, и есть. Ну, так кто же в этом виноват, как не мы, профессионалы оперного искусства? Нет, надо, надо идти к молодежи, нести им эту великолепную музыку, а с ней и лучшие образцы русской поэзии, историю и культуру. Да, дело не шибко денежное, так хватить же думать только о деньгах! К слову, еще хуже положение в нашей филармонии. Там пошли по самому легкому пути — даешь прибыли! А где серьезные солисты, лекторы-популяризаторы музыки? Нет их! А между тем консерваторию ежегодно оканчивают талантливые молодые люди. По поводу реконструкции тоже сколько говорила — а толку? Понимаете, театр строился как драматический. Но в опере эта торчащая сверху перегородка, отделяющая сцену от зрительного зала, просто не нужна — она гасит звук. Так я предлагала: воспользуемся случаем, уберем перегородку. Нет же — вбухали огромные деньги, а акустику умудрились сделать еще хуже, чем была. Зато, видите ли, красивее: обшили все внутри чем-то мягким. Неужели непонятно, что петь тяжело, оркестр звук давит.

— **Так поют же, и неплохо вроде...**

— А каких усилий это требует, вы представляете? А дополнительные, искусствен-

ные усилия голос отнюдь не украшают. Как великолепно поется в Большом театре, в Кировском! Там себя слышишь и собственного голоса не узнаешь, так он хорош!

— **Я заметил, что вы и к своим нынешним ученикам-студиям не менее требовательны, чем к коллегам. Стоит ли?**

— Стоит. Более того, когда речь идет о музыкальном искусстве, я не признаю слова «любитель». Если им заниматься, то только профессионально. Неважно, получаешь ли ты за это деньги или приходишь в клуб после работы. Потому и отбор в студию довольно жесткий, беру, увы, не всех желающих. Зато через 5-7 лет человек уже начинает кое-что показывать. Есть и успехи. Коллектив получил звание народного, мои воспитанники становились лауреатами зональных конкурсов, кое-кто стал профессиональным певцом. Мы даем 8-9 концертов в месяц — это фрагменты из опер, романсы, русские и эстонские народные песни. Выступаем в своем ДК, в цехах завода, в городе, но особенно ревностно я отношусь к концертам в воинских частях. Как председатель военно-шефской комиссии при профсоюзе работников искусств. Только не надо думать, что у нас в студии работа и только работа. Мы и развлекать себя умеем — веселыми капустниками, устраиваем — сами для себя — вечера памяти русских поэтов.

— **А эстраду вы, конечно, вообще не признаете?**

— Почему же? Хорошую люблю. Только немного ее, хорошей-то. Зато многовато пошлости, откровенной халтуры. А техника какова! Зажмутся, дышать не могут, и голос чем неестественнее, тем лучше. А главное, поют все, кому не лень.

— **И я тоже, иногда...**

— Так пойте, ради бога! Но зачем на сцену лезть, да еще свое пение за искусство выдавать? А пропагандировать это — зачем? Ну, ладно, так что, и вы поете? Тогда — к инструменту! Что будем исполнять?

— **Старинный романс «Утро туманное», — объявил я.**

И запел, стараясь не сморкаться на аккомпаниатора. «Вспомнишь и ли-и-ца давно позабытые», — закончил первый куплет, набрал воздуха, чтобы приступить ко второму, но музыки не услышал. Видимо, Ольга Иоханнесовна сочла, что с нее достаточно...

— **Так поют же, и неплохо вроде...**

— А каких усилий это требует, вы представляете? А дополнительные, искусствен-

Беседу вел
А. БАБИН.
Фото К. КОЛБКА.